

КЪ ВОПРОСУ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОПЕДЕВТИКИ.

Методическая разработка преподаванія въ средней школѣ началась сравнительно недавно и представляет собою въ настоящее время скорѣе общіе принципы и схемы, чѣмъ рядъ опредѣленныхъ и бесспорныхъ положеній, установка которыхъ потребуетъ еще продолжительной работы педагоговъ. Въ такомъ же положеніи находится вопросъ о воспитательномъ значеніи преподаванія въ средней школѣ, т.-е., о такой постановкѣ его, чтобы оно, обогащая умъ новыми знаніями, входило еще въ содержаніе духовной жизни, какъ созидательный элементъ характера, развивая и укрѣпляя волю, содѣйствуя выработкѣ

правильныхъ взглядовъ и идеаловъ, вообще постепенно формируя нравственную личность учащагося.

Преподаваніе всякаго предмета должно быть направлено къ содѣйствію указаннымъ воспитательнымъ задачамъ, но нѣкоторые предметы въ этомъ отношеніи занимаютъ особенно благопріятное положеніе; среди нихъ видное мѣсто должно принадлежать философской пропедевтикѣ.

Задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы прочно заложить элементы нравственнаго характера, на основѣ которыхъ могло бы продолжаться развитіе и совершенствованіе личности во всю послѣдующую жизнь. Первымъ элементомъ нравственнаго характера являются нормы и идеалы, выполненіе которыхъ сознается нами, какъ задача жизни; ихъ можно назвать еще нравственными убѣжденіями. Когда они опредѣлились, необходима большая, настойчивая и трудная работа надъ собой, чтобы они стали дѣломъ жизни. Нравственное развитіе всегда сопровождается напряженной борьбой съ препятствіями въ видѣ эгоистическихъ стремленій, дурныхъ привычекъ, нравственный апатіи. Здѣсь нужна любовь и преданность идеалу, нравственной энтузіазмъ, чтобы наши идеальные порывы не остались только въ области добрыхъ намѣреній, но стали созидательными началами жизни личной и общественной.

Указанные элементы нравственнаго характера первоначально воспринимаются и усваиваются путемъ внушенія и подражанія старшимъ; а затѣмъ, съ развитіемъ болѣе сознательнаго отношенія къ себѣ и ко всему окружающему, что совпадаетъ, обыкновенно, съ началомъ юности, появляется стремленіе къ болѣе самостоятельности въ нравственномъ самоопредѣленіи и дѣятельности. Эта пора юности, исполненная идеальныхъ, но еще не опредѣлившихся и не окрѣпшихъ порывовъ, столь воспримчивая къ прекрасному и благородному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасная, вслѣдствіе крайней впечатлительности и неустойчивости юности, представляетъ благодарнѣйшую почву для дѣятельности воспитателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ему и отвѣтственную задачу. Вотъ тутъ и открывается для преподавателя философскихъ дисциплинъ возможность самого широкаго и благопріятнаго вліянія на своихъ учениковъ. Онъ болѣе другихъ преподавателей можетъ удовлетворить пробудившіеся запросы молодого ума къ философскому знанію, дать вѣрное направленіе

его смутнымъ исканіямъ, руководить стремленіемъ къ самостоятельной разработкѣ возникающихъ жизненныхъ вопросовъ и критической оцѣнкѣ существующихъ уже различныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, и такимъ образомъ содѣйствовать выработкѣ правильнаго міросозерцанія, поддержать юношескій идеализмъ, развить, укрѣпить и должнымъ образомъ направить волю, словомъ, формировать нравственную личность и характеръ юноши.

Въ основу изученія философской пропедевтики естественно положить психологію не только потому, что изъ всѣхъ философскихъ предметовъ она представляется наиболѣе наглядной, легкой и интересной для начинающихъ, но и потому еще, что изучая различныя проявленія душевной жизни, она составляетъ естественную основу всѣхъ вообще философскихъ наукъ, содержаніе и задача которыхъ состоитъ въ изслѣдованіи основныхъ формъ познанія и дѣятельности человѣческаго духа. Говоря о первоначальной формѣ познанія—ощущеніяхъ, преподаватель обратитъ вниманіе на невозможность вывести ихъ изъ тѣхъ физико-химическихъ и фізіологическихъ, т.-е., вообще матеріальныхъ процессовъ, которыми они возбуждаются. Это неоспоримость и противоположность тѣлесныхъ и психическихъ явленій укажетъ на необходимость признать самостоятельность духовнаго начала, не выводимаго изъ матеріи и ей противоположнаго. Анализъ ощущеній—самое убѣдительное, точное и строго научное доказательство несостоятельности матеріализма, который и теперь еще имѣетъ отсталыхъ защитниковъ, особенно у насъ, и выдается ими, какъ научно обоснованная теорія, опирающаяся будто на данныя естественныхъ наукъ; въ многочисленныхъ популярныхъ сочиненіяхъ, наводняющихъ въ послѣднее время книжный рынокъ, можно встрѣтить еще въ разныхъ варіаціяхъ такіе философскіе архаизмы, что душа есть функція тѣла и т. п.; удивительно ли, что молодой, не привыкшій къ критической работѣ умъ готовъ принять эту архивную ветошь за самыя несомнѣнныя научныя истаны. Дальнѣйшее психологическое ученіе о познаніи подготовить учащихся къ усвоенію важнѣйшаго вопроса философіи объ отношеніи познанія къ дѣйствительности и дать прочную основу для изученія логики. Отдѣлъ о чувствованіяхъ и стремленіяхъ близко соприкасается съ такими интересными философскими темами, какъ вопросы объ эстетической, религіозной и нравственной

дѣятельности человѣка, о свободѣ волѣ, о принципахъ практической дѣятельности, объ элементахъ характера и проч. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ юношество проявляетъ большой интересъ и старается найти на нихъ отвѣты, къ сожалѣнію, часто тамъ, гдѣ подъ видомъ безспорной научной истины настойчиво и безапелляціонно проводятся ложные взгляды позитивизма, эволюціонизма и сродныхъ философскихъ воззрѣній, проникнутыхъ отрицательнымъ, а часто и враждебнымъ отношеніемъ къ религіи, нравственности, вообще къ тому высшему міру идеаловъ, которые составляютъ самое цѣнное достояніе человѣческаго духа и которымъ человѣчество обязано самыми важными успѣхами въ своемъ духовномъ развитіи. Представляя недоброкачественную пищу для ума, эти отрицательныя философскія ученія имѣютъ такимъ образомъ весьма вредное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи. Преподаватель философской пропедевтики можетъ явиться здѣсь незамѣнимымъ руководителемъ учащихся и направить ихъ мысль по истинному пути научнаго изслѣдованія и здравыхъ понятій при рѣшеніи указанныхъ вопросовъ. Его спокойное и вѣское слово, чуждое полемической раздражительности; его глубокая убѣжденность и авторитетъ, проистекающіе изъ основательнаго знанія предмета, дадутъ неустойчивой, колеблющейся мысли учащихся надежную опору въ ея исканіяхъ, послужатъ руководящимъ началомъ въ работкѣ здравыхъ и вѣрныхъ взглядовъ на важные вопросы жизни и дадутъ прочные элементы для формирующагося міросозерцанія юноши. Въ этомъ дѣлѣ вліяніе преподавателя философской пропедевтики можетъ быть гораздо значительнѣе вліянія преподавателей другихъ предметовъ, потому что онъ будетъ сообщать знанія не въ формѣ догматическихъ положеній, но въ видѣ критическаго разбора и оцѣнки разныхъ взглядовъ, т.-е., въ такой формѣ, которая возбудитъ особенное вниманіе и довѣріе юноши при его пробудившемся стремленіи къ сознательному, критическому отношенію къ своимъ и чужимъ мыслямъ.

Указанное воспитательное значеніе философской пропедевтики состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что она дастъ для юноши элементы правильнаго философскаго міровоззрѣнія. Но не меньшую важность представляетъ изученіе этого предмета и въ другомъ отношеніи—для углубленія духовной жизни и ея интересовъ, для всесторонняго и гармоничнаго развитія личности

и для того цѣннаго свойства ея, которую можно бы назвать концентраціей душевныхъ силъ. При изученіи психологіи преподаватель постоянно будетъ обращать вниманіе учащихся на то, что всѣ положенія ея прежде всего устанавливаются и проверяются самонаблюденіемъ и самоанализомъ; онъ постоянно будетъ держать вниманіе учениковъ сосредоточеннымъ на этой работѣ самонаблюденія и самоанализа, приучая ихъ къ углубленію въ себя, къ самостоятельной проверкѣ психологическихъ положеній, наконецъ, къ самостоятельному выводу новыхъ психологическихъ знаній путемъ внутренней работы самопознанія. Такое глубокое сосредоточеніе въ себѣ, составляя противоположность разсѣянню и разбросанности въ психической жизни, содѣйствуетъ нарастанію душевныхъ силъ, сообщаетъ личности энергію и стойкость, вообще имѣетъ самое благотворное вліяніе всесторонняго развитія ея въ познаніи, дѣятельности и чувствѣ.

Многіе недостатки въ умственной дѣятельности, каковы: отсутствіе интереса къ знанію, разсѣянность, пассивность объясняются нарушеніемъ равновѣсія между количественной и качественной стороной знанія въ ущербъ послѣдней: стремятся къ тому, чтобы побольше было знаній, не заботясь, чтобы эти знанія продумать, сдѣлать прочнымъ достояніемъ своего ума. Душа ученика часто представляетъ ту *tabula vasa*, на которой беспорядочно, случайно и пассивно отображается множество впечатлѣній, не возбуждая къ себѣ интереса и вниманія. Давно уже было замѣчено, что «многознаніе уму не учитъ» (Гераклитъ); оно, дѣйствительно, не только не содѣйствуетъ развитію умственныхъ силъ, но создаетъ еще дурныя привычки въ познавательномъ процессѣ — разсѣянность и поверхностность. Эти отрицательныя стороны умственной дѣятельности, къ сожалѣнію, присущи въ немалой мѣрѣ учащимся и уже подмѣчены педагогической литературой, которая указала въ «натаскиваніи» важный недостатокъ школы. При поверхностномъ многознаніи нѣтъ времени для самостоятельной переработки и творческаго участія въ усвоеніи знаній; нѣтъ поэтому интереса и любви къ умственной работѣ, и весь процессъ ученія отбывается, какъ скучная и тягостная повинность. Самое важное при обученіи въ томъ, чтобы ученикъ почувствовалъ высшее изъ удовольствій — удовольствіе знанія; это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда мысль ученика всецѣло поглощена вниманіемъ къ его работѣ, когда ученикъ не только

воспринимаетъ, но и активно, творчески участвуетъ въ приобрѣтеніи новыхъ знаній. Такія положительныя качества умственной дѣятельности можно выработать въ ученикѣ тогда, когда онъ привыкъ долго сосредоточиваться въ себѣ, вникать въ свои мысли, логически разбираться въ нихъ и давать имъ правильную оцѣнку; словомъ, это возможно при томъ углубленіи и сосредоточеніи въ себѣ, при той дисциплинѣ и выдержкѣ ума, которая указана нами, какъ цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ слѣдствій правильной постановки въ изученіи психологіи.

При тѣсной связи и взаимодѣйствіи между душевными способностями, дисциплина ума соединяется съ сильной, энергичной волей, которая составляетъ основу характера и является наиболѣе важной, опредѣляющей чертой всей личности. «Цѣнность человѣка, говоритъ Кантъ, зависитъ не отъ его разума, а исключительно отъ его воли; міровоззрѣніе человѣка зависитъ также не столько отъ разума, сколько отъ воли». Безъ сосредоточеннаго, устойчиваго характера нѣтъ сосредоточеннаго логическаго мышленія и самоотверженной научной работы; самыя богатая дарованія и наилучшія стремленія, при слабой волѣ, остаются чаще всего бесплодными, и во всякомъ случаѣ даютъ слишкомъ ничтожные результаты. Въ жизни и литературѣ мы видимъ многочисленныя подтвержденія того, какъ прекрасныя и способныя, но безвольныя люди, являются слабыми, апатичными и бесполезными членами общества, оставляя свои богатая силы безъ примѣненія; съ другой стороны, самое скромное дарованіе, при настойчивыхъ усидяхъ и постоянномъ упражненіи, развивается, крѣпнетъ, и становится значительной и полезной силой. Энергія и настойчивость воли, завися отчасти отъ природнаго расположенія, главнымъ образомъ, создаются, развиваются и могутъ быть доведены до высокой степени напряженія внутренней работой надъ собой, которая служитъ источникомъ мужества, силы и обильной продуктивности. Такой сосредоточенной, глубоко захватывающей работѣ противоположна суетливая подвижность, беспорядочная разбросанность въ дѣйствіяхъ, принимаемая иногда ошибочно за выраженіе многосторонней, продуктивной дѣятельности. Отсутствіе вниманія и интереса къ работѣ возбуждаетъ вялость, апатію и быстрое утомленіе. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому, повидимому, парадоксальному, но въ существѣ дѣла глубоко вѣрному выводу, что переутомленіе,

на которое особенно часто жалуются теперь, происходит не оттого, что работают много и интенсивно, но оттого, что работают мало, несосредоточенно, поверхностно, не пользуясь глубокимъ родникомъ духовныхъ и потому неисчерпаемыхъ силъ; оттого что разсѣянно скользятъ по многимъ предметамъ, подчиняются беспорядочному потоку впечатлѣній и реагируютъ на каждое изъ нихъ, тратя бесполезно драгоцѣнную духовную энергію на множество ничтожныхъ мелочей, которыя оставляетъ безъ вниманія тотъ, кто активно управляетъ теченіемъ своей духовной жизни. У невнимательнаго и разсѣяннаго человѣка жизнь рассыпается на множество мелочей и представляетъ хаотическое смѣшеніе ничтожнаго и важнаго, случайнаго и необходимаго, безъ объединяющей идеи, которая сообщаетъ смыслъ и цѣль человѣческому существованію. Оттого жизнь кажется для многихъ неразумной и безцѣльной. Безъ объединяющаго, руководящаго начала она идетъ по извилистому руслу случайныхъ впечатлѣній и теряетъ единство и цѣльность разума и нравственнаго процесса. Но кто держитъ въ своей власти умъ и сердце, управляетъ собой, тотъ господствуетъ надъ жизнью и судьбой. Онъ подчиняетъ низшія влеченія свои высшимъ духовнымъ интересамъ, заставляетъ тѣлесную природу служить потребностямъ духа, подавляетъ страсти, изоцряетъ совѣсть — словомъ, онъ создаетъ свою нравственную личность. Каждый день его жизни, каждый его поступокъ составляютъ выполнение разумаго плана, сливаются въ непрерывномъ процессѣ нравственнаго совершенствованія. Тогда ясно опредѣлится смыслъ и цѣль жизни во всей строгой серіозности ея, какъ отвѣтственнаго служенія истинѣ и добру.

Нравственное развитіе и совершенствованіе составляютъ одну изъ такихъ задачъ, которыя сохраняютъ свое значеніе въ теченіе всей жизни человѣка, но никогда они не представляютъ такой важности, какъ въ юношескомъ возрастѣ. Требуя для себя систематическихъ усилій, они приучаютъ человѣка къ самообладанію, нравственному контролю надъ собой и подчиненію себя высшему закону. Человѣкъ научается быть творцомъ самого себя, чтобы впослѣдствіи стать творцомъ жизни. Только научившись создавать новаго человѣка внутри себя, онъ можетъ стать пригоднымъ для обновленія и улучшенія цѣлаго общества.

Наконецъ, самопознаніе является лучшей школой для воспитанія въ юношѣ идеализма, приучая его прислушиваться къ вѣчнымъ запросамъ религіи и совѣсти и сосредоточивая его вниманіе на высшихъ интересахъ и потребностяхъ духа. Жизнь выступаетъ предъ нами въ двухъ ея основныхъ проявленіяхъ: съ одной стороны, она движется въ направленіи самой утонченной идеализаціи; а съ другой — властно заявляетъ о себѣ матеріальными воздѣйствіями и потребностями. Въ своемъ естественномъ развитіи человѣкъ прежде всего обращаетъ вниманіе на матеріальные предметы и матеріальную сторону жизни; но эта первоначальная ступень развитія, къ сожалѣнію, для очень многихъ является и окончательной стадіей въ жизни. Особенно въ настоящее время «матеріальное начало получило ужасающую силу надъ нашей жизнью и надъ надъ нашей душой» (Ферстеръ) и произвело большія опустошенія въ области нравственнаго характера и идеальныхъ стремленій. Поэтому теперь, болѣе чѣмъ когда-либо раньше, представляется необходимымъ будить въ юношеской душѣ благородныя силы, воспитывать чистоту сердца и религіозное одушевленіе, чтобы въ этихъ лучшихъ сторонахъ человѣческаго существа юноша осязательно почувствовалъ и призналъ великую силу и надежную опору въ жизни. Идеаль силенъ своей глубиной, своимъ огнемъ, своей беззавѣтностью. Идеализированіе проникаетъ всѣ способности человѣка и выражается то великимъ научнымъ открытіемъ, то безсмертнымъ произведеніемъ искусства, то героическимъ подвигомъ, способнымъ изумить міръ и на долгое время вдохновить человѣчество, ставши убѣжденіемъ, вѣрой. Идеализація — необходимое условіе усовершенствованія жизни религіозной, научной, художественной, общественной и личной; идеалы могутъ переродить человѣка и дать иное направленіе его дѣятельности; такимъ образомъ, они служатъ и показателями путей жизни, и движущими силами. Юношескій возрастъ есть преимущественно время идеальныхъ стремленій, глубокой отзывчивости и воспріимчивости ко всему возвышенному, чистому, благородному. Юноша стремителенъ, горячъ и беззавѣтенъ въ своихъ увлеченіяхъ. Воспитателю предстоитъ задача эти естественныя особенности юношескаго возраста преобразовать въ личныя черты нравственнаго характера и направить ихъ къ истинѣ и добру, чтобы вся послѣдующая жизнь была просвѣтлена и облагорожена идеаломъ.

Могут сказать, что мы ставим слишком широкія и потому невыполнимыя или трудно выполнимыя задачи для преподавателя философской пропедевтики; но мы имѣемъ въ виду не увеличеніе и расширеніе учебнаго матеріала, а такую постановку этого предмета, чтобы онъ служилъ школой самопознанія, которая давно уже была указана великимъ мудрецомъ и воспитателемъ древности, какъ лучшій путь къ истинному знанію и добродѣтельной жизни.

М. С.